

© 2024. А. В. Святославский

© 2024. Нгуен Тхи Тху Нган

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия

Категория народности литературы как предмет осмысления в истории русской критики XIX в.

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту № 23-28-01302 <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>
«Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности
А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского»*

Аннотация: Рассмотрена история формирования концепта «народность» как эстетической категории в отечественной критике XIX в. Сделана попытка выявить определенные константы в понимании народности как этносоциального концепта и эстетической категории применительно к художественной литературе и проследить трансформации ее в меняющихся исторических условиях в связи с идеологическими дискурсами и культурными парадигмами. Приведены примеры осмысления народности в работах В. Г. Белинского, А. С. Хомякова, Н. А. Добролюбова, И. В. Киреевского, Н. А. Бердяева, Н. К. Михайловского, в переписке П. А. Вяземского и статьях А. С. Пушкина. Несмотря на многообразие подходов к трактовке народности, наиболее адекватными остаются мысли, заложенные в работах Белинского и славянофилов, связавших ее с основами национального самосознания и мировоззрения.

Ключевые слова: народность, народ, история русской критики, эстетическая категория, национальность, этничность, В. Г. Белинский, А. С. Хомяков, славянофилы, западники, народничество

Информация об авторах:

Алексей Владимирович Святославский, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323> E-mail: platoacademia@yandex.ru

Нгуен Тхи Тху Нган, аспирант, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: stepheny1996@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 26.02.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.03.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Святославский А. В., Нгуен Тхи Тху Нган. Категория народности литературы как предмет осмысления в истории русской критики XIX в. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-164-183>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 164–183. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 164–183. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024 Alexey V. Svyatoslavsky
Nguyen Thi Thu Ngan

Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

The Category of Nationality of Literature as a Subject of Comprehension in the History of Russian Criticism of the 19th Century

Abstract: The article examines the history of the formation of the concept of “nationality” as an aesthetic category in Russian criticism of the 19th century. The research attempts to identify certain constants in understanding nationality as an ethnic-social concept and aesthetic category in fiction and to trace its transformations in changing historical conditions concerning certain ideological discourses and cultural paradigms. The works of V. G. Belinsky, A. S. Khomyakov, N. A. Dobrolyubov, I. V. Kireevsky, N. A. Berdyayev, N. K. Mikhailovsky, the correspondence of P. A. Vyazemsky and articles by A. S. Pushkin demonstrates some examples of understanding nationality. Despite the variety of approaches to the interpretation of nationality in later times, the most adequate remains the thoughts contained in the works of Belinsky and the Slavophiles.

Keywords: nationality, folk, Russian literary criticism, aesthetic category, ethnicity, V. G. Belinsky, A. S. Khomyakov, Slavophiles, Westerners, populism, “narodnitchestvo.”

Information about the author:

Alexey V. Svyatoslavsky, DSc in Cultural Studies, Associate Professor,
Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991
Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

E-mail: platoacademia@yandex.ru

Nguyen Thi Thu Ngan, PhD student, Moscow Pedagogical State University,
Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: stepheny1996@gmail.com

Received: February 26, 2024

Approved after reviewing: March 23, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Svyatoslavsky, A. V., and Nguyen Thi Thu Ngan. “The Category of Nationality of Literature as a Subject of Comprehension in the History of Russian Criticism of the 19th Century.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 164–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-164-183>

Слово «народ» было известно еще в древнерусском языке, и в значении этническом (племя, род) и в значении социальном (множество людей), прилагательное *народный* уже в XVIII в. предполагает отнесение обозначаемого им явления к широкой людской массе, непременно включающей в себя так называемые «низшие» сословия («простонародье»). М. В. Ломоносов, размышляя о языке литературы, в теории трех стилей отразил представление о культурной иерархии, при этом очевидна стала связь «низких» жанров с культурой простонародья. В. К. Третьяковский, рассуждая о разнице жанра мадригала и эпиграммы, противопоставляет их проблемно-тематически и поэтически: «благородная» поэзия противостоит «народной» поэзии, питающейся фольклором: «Мадригал так же есть короткая поэма, как и эпиграмма, так же на конце острую имеет оный мысль, как и эпиграмма; однако материя его всегда бывает благородная, важная и высокая: следовательно и конечная его острая мысль долженствует быть также благородная, важная и высокая. К тому ж еще он и неравными стихами чаще пишется, нежели эпиграмма, которая есть так же короткая поэма, как и мадригал, так же на конце острую имеет мысль, как и мадригал, но материя ее всегда бывает либо *народная*, либо легкая, либо низкая, либо насмешливая, либо, наконец, сатирическая: следовательно и конечная острая ее мысль должна быть или народная же, или легкая, или низкая, или насмешливая, или, наконец, сатирическая» (Курсив наш. — А. С. и Н. Н.) [Третьяковский: 413].

Как ни странно, но слово «народ» не было зафиксировано в «Словаре Академии Российской», выходявшем с 1789 по 1794 г., а Словарь церковнославянского и русского языка, изданный Императорской Академией Наук в 1847 г., закрепляет три его основных значения: 1. «жители одного государства, говорящие одним языком, язык, племя»; 2. «жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям»; 3. «множество людей, толпа» [Словарь: 399].

В первой трети XIX в. проблема народного духа и народности как выражения его в широком культурологическом смысле предстала актуальной в социально-политической мысли в связи с победой в Отечественной войне 1812 г., заставившей задуматься как об особенностях русского менталитета и роли России в современном геополитическом пространстве, так и о роли национального единения разных сословий в деле победы над Наполеоном. Естественным образом на это должна была отреагировать литература и литературная критика.

Проблема народа, понимаемого в смысле широких народных масс (абсолютное большинство населения России составляли податные сословия), стала своего рода камнем преткновения между антимонархическими настроениями части декабристов и разработкой Николаем I национальной доктрины, ставшей известной как «формула гр. Уварова», где нашлось место народности как одному из столпов российской государственности, наряду с самодержавием и православием.

В первой трети XIX в. понятие народности уже обсуждается в литературных кругах, считается, что одна из первых попыток теоретического обоснования данного термина применительно к литературе, принадлежит П. А. Вяземскому, который в письме 1819 г. к А. И. Тургеневу специально употребил слово народность, комментируя свое стихотворение «Первый снег». Это была попытка обосновать необходимость категории народность как аналога французского “nationalité” и польского “narodowość”, с пояснением, что «тут дело идет не о достоинстве, а о впечатке, не о сладкоречивости, а о выговоре, не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных» [Вяземский: 1819]. В 1824 г. Вяземский в очерке «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны» использовал лексему «народность» вновь — в значении «некоторая характеристика народа, отличающая его от других, которую можно только прочувствовать» [Вяземский 1996: 152]. Критик также уделял особое внимание разграничению понятия «народность» и «национальность». Связывая проблему народности с романтическим направлением в искусстве, и следуя И. Г. Гердеру, который одним из первых заложил фундамент исследования феномена народности в Европе, Вяземский в то же время считал народность существенным достоинством еще греческой античности, видя продолжение традиции древних в клас-

сицизме, что вызывало возражения. Тем не менее, уже в наше время М. Н. Виролайнен на материале творчества В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича, А. А. Дельвига — также, вопреки сложившейся традиции, постаралась доказать, что «национальные темы вырастали из культуры классицизма, влиятельной на протяжении всего Золотого века, но в рамках той же переходной эпохи быстро “присваивались” адептами романтизма» [Виролайнен: 470].

Важнейшим аспектом дискуссий о народности становится факт осмысления национальной литературы России, не связанной с переводами с европейских языков, с подражанием Западу и следованиям западным эстетическим тенденциям. В этом сказывается ответственность Золотого века перед культурой, поскольку наличие «своей» литературы имеет существенное значение для самоопределения нации, а значимость этой литературы представляет общий уровень национальной культуры. Центральной вехой на пути формирования эстетически полноценной национальной литературы, ставшей своего рода ядром русской культуры как таковой, стало творчество А. С. Пушкина. В дальнейшем об этом скажет Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине при открытии памятника поэту в 1880 г., но первым всерьез обратившимся к осмыслению категории народности в связи с его творчеством стал В. Г. Белинский.

Для Белинского вопрос о народности литературы является принципиально важным, вклад его в развитие представлений о народности как эстетической категории трудно переоценить. Белинский, уподобляя разные национальные литературы «туземным» и «пересадным» растениям [Белинский 3: 180], относит всю русскую литературу допушкинского периода в целом к явлениям второго рода, развивавшегося под влиянием Европы, в первую очередь, французской литературы. Однако пушкинский период изменяет русскую литературу, придавая ей новое лицо. Критик специально задается вопросом о народности уже в ранней статье «Литературные мечтания» (1834), отмечая возникшую в русской литературе своего рода моду на народность. «Мне кажется, — писал он, — что это стремление к народности произошло оттого, что все живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы, и захотели создать народную, как прежде силились создать подражательную» [Белинский 1: 77].

Белинский считал русское общество еще слишком юным, не освободившимся целиком от европейской опеки. Отрицательно отвечая на вопрос о существовании поистине высокой массовой национальной литературы в николаевской России, из крупных *самобытных* мастеров по состоянию на начало 1830-х гг. он называет Державина, Пушкина, Крылова и Грибоедова [Белинский 1: 86]. Что же требуется, чтобы явилась в России «истинная эпоха искусства»? По Белинскому, «надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа, надобно, чтобы у нас было просвещение, созданное нашими трудами, возвращенное на родной почве» [Белинский 1: 87]. Белинский при этом вполне оптимистичен в отношении движения русской литературы в нужном направлении, отмечая, в частности, необыкновенный талант Н. В. Гоголя.

Народность является одной из основных категорий в эстетическом мировоззрении Белинского, она относится им в равной степени к содержанию произведения и к его форме. Но критик вынужден сформулировать свое понимание термина, отличное от распространенного в те годы в среде образованного общества. «Все, решительно все, смешивают ее (народность — А. С. и Н. Н.) с *простонародностью* и отчасти с тривиальностью» (Курсив источника. — А. С. и Н. Н.) [Белинский 1: 77]. Причину такого понимания Белинский видит в том, что, будучи «отпечатком народной физиономии, типа народного духа и народной жизни», народность в России в большей степени сохранилась в «низших слоях народа», и писатели, стараясь быть народными, обращаются к изображению нравов, обычаев, понятий «черни». «Но разве одна чернь составляет народ?» — задается вопросом критик [Белинский 1: 77]. Впоследствии, в цикле статей, специально посвященных творчеству А. С. Пушкина, Белинский докажет, что возможно появление произведения, народного по духу, хотя бы оно было создано на материале жизни дворянского сословия, каковое явил роман в стихах «Евгений Онегин».

В статье 1835 г. «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский подходит к проблеме народности с несколько иной стороны, связывая эту категорию с реалистически верным отражением действительности. «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени, — пишет Белинский, — но я не хочу слишком распространяться о их

народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностью должно разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или иного народа <...> Жизнь всякого народа проявляется в своих ей одной свойственных формах, следовательно, если изображение жизни *верно*, то и *народно*» (Курсив источника — А. С. и Н. Н.) [Белинский 1: 135].

Еще один аспект категории народности выявлен Белинским в статье «Ничто о ничем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы»: он касается народности, имманентно заложенной в истинном таланте. «Что такое народность в литературе? — вновь задается вопросом Белинский. — Отражение индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами — не так ли? — Если так, то мне кажется, нет нужды поставлять такой народности в обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собой непременно должна проявляться в творческом создании <...> Итак, если личность поэта должна отражаться в его творениях, то может ли не отражаться в них его народность?» [Белинский 1: 197].

Однако Белинский идет еще дальше в понимания народности. В этой же статье он обращается к теме патриотизма, отмечая, что истинный поэт, с детства впитав в себя культуру своей родины, не может не сочувствовать своему отечеству, он «должен разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями» [Белинский 1: 198]. Примечательна и мысль критика о том, что верно описать свое общество может лишь поэт, симпатизирующий ему.

Отдельно остановимся на цикле статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846 гг.) в связи с вопросом о различии «народного» и «национального». В Статье пятой Белинский предлагает различать понятия «национальный» поэт и «народный поэт». «*Народный* поэт, — пишет он, — тот, которого весь народ знает, как, например, знает Франция своего Беранже; *национальный* поэт — тот, которого знают все, сколько-нибудь образованные классы, как, например, знают немцы Гёте и Шиллера» (Курсив источника — А. С. и Н. Н.) [Белинский 3: 398]. Уточняя свою позицию, он объясняет, что под народом «разумеют массу народонаселения, самый низший и

основной слой государства», а под нацией — все сословия. Отсюда делается вывод, что Пушкин не может считаться народным поэтом, поскольку народ в России его не знает, как не знает ничего, кроме фольклора. Однако здесь же критик замечает, что «национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциональную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой субстанциональной стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий нации» [Белинский 3: 398]. Соглашаясь с Гоголем, назвавшим Пушкина русским национальным поэтом, Белинский считает, что «поэт даже может быть и тогда национальным, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [Белинский 3: 402]. Из этого можно сделать вывод, что к середине 1840-х гг. Белинский предлагает автора, проявившего в творчестве особенности этнонационального характера, отразившего мировоззренческие особенности нации, специфику трудноопределимой, по его мнению, «субстанциональной стихии» — дифференцировать как национального, но не народного, если его не знает основная неграмотная и малограмотная масса населения. Однако применительно не к автору, а к литературе Белинскому приходится употреблять дериваты «национальность» и «народность» как синонимы, причем нельзя не отметить, что сочетаемость их с лексемой «литература» в русском языке видится неоднозначной: словосочетание «национальность литературы» выглядит большой натяжкой, а «национальная литература» не есть синоним творчества истинно национального поэта, как хотелось бы Белинскому.

В Восьмой статье из указанного цикла о Пушкине Белинский вновь подробно останавливается на корреляции понятий народный / национальный: «И если национальность составляет одно из высочайших достоинств поэтических произведений, — пишет он, — то, без сомнения, истинно национальных произведений должно искать у нас только между такими поэтическими созданиями, которых содержание взято из жизни сословия, создавшегося по реформе Петра Великого и усвоившего себе формы образованного быта» [Белинский 3: 499].

Вполне логично было бы следовать Вяземскому, предложившему слово «народность» в качестве перевода французского “nationalité” в нужном нам значении, но Белинского смущает распространенное и неверное, по его мнению, понимание народности как характеристики литературы, в которой действуют представители простонародья, «бородатые купцы и мещане», где слышится просторечье. Поэтому ему приходится настаивать на употреблении понятий «национальная литература», «национальность литературы», хотя очевидно, что эти понятия слишком широки и могут быть отнесены к литературе просто принадлежащей той или иной этнической культуре. Чтобы избежать этого Белинский иногда усиливает определение наречием «истинно» — «истинно национальная литература». «Немногие согласятся с вами..., — полемизирует критик, если вы скажете, что первая истинно национально-русская поэма в стихах была и есть — “Евгений Онегин” Пушкина и в ней *народности* больше, нежели в каком угодно другом народном русском сочинении» (Курсив наш. — А. С. и Н. Н.) [Белинский 3: 499]. В конце рассуждений по поводу пушкинского романа в стихах Белинский делает вывод о том, что «все сказанное нами было необходимым отступлением для опровержения неосновательного мнения, будто бы в деле литературы чисто русскую *народность* должно искать только в сочинениях, которых содержание заимствовано из жизни низших и необразованных классов» (Курсив наш. — А. С. и Н. Н.) [Белинский 3: 502].

Таким образом, Белинский вынужден не избегать употребления определения «народный» в узком и получившем распространение значении принадлежности к простонародью, заменяя его «национальным», а пытаться расширить понимание народности литературы (как эстетической категории), сводя ее к любому произведению, автор которого оказался способен выразить некие духовные основы общей этнонациональной культуры. И в этом он по существу следует Вяземскому.

Ситуация разъясняется обращением к Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля. В статье «Нация» читаем: «*Национальный*, народный или народу свойственный <...>; *-нальность* ж. народность» [Даль: 493]. Неполнота синонимии прилагательных «национальный» и «народный» мешала Белинскому в силу, во-первых, самого факта синонимии (в ряде позиций лексемы замещают

друг друга), а, во-вторых, неполноты этой синонимии, проявляемой в области сочетаемости, когда «народность» более корректно, чем «национальность» соответствует представлению об эстетической категории как *свойстве* литературы. Усилия Белинского были направлены на расширение семантики понятия «народность литературы», а не на жесткую дифференциацию понятий национальная / народная литература, которые он пытался развести по разные стороны в Статье Пятой о сочинениях А. С. Пушкина, ограничивая представление о народности литературы лишь ее доступностью для простонародья.

А. К. Богданов считает, что в процитированном выше письме Тургеневу Вяземский создает иллюзию калькирования французского слова русским неологизмом «народность», ибо реальная калька французского “nationalité” — это русское «национальность» в значении принадлежности нации. «Значение же, которое сам Вяземский вкладывает в слово “народность”, — пишет Богданов — и шире, и в то же время заметно неопределеннее французского и соответствующего ему польского слова, отсылая не к понятию “национальность”, а к амплифицирующим метафорам (“русская краска”, “отпечаток”, “выговор”))» [Богданов: 131]. Отсюда, справедливо указывает исследователь, возникает некоторая путаница, отраженная и в попытках Белинского разобраться с «народностью» в русском языке того времени. Тем не менее, своего рода неологизм, предложенный Вяземским, закрепился в словоупотреблении.

Выше мы говорили о статьях Белинского о Пушкине, но интересно обратиться к представлению о народности самого поэта. Пушкин отмечал в русской литературе чрезмерное подражание иноземным образцам — античным, немецким и французским, задаваясь вопросом о месте русской литературы в мировом литературном пространстве, и беспокоился по поводу малого количества истинных талантов, которые могли бы проявить народность своего творчества. Пушкин дает свое понимание народности, схожее с пониманием у Вяземского и Белинского: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более или менее отражается в зеркале поэзии. — Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих какому-нибудь народу» [Пушкин: 271].

Употребление Пушкиным понятия «народность» указывает и на обращение к мировоззренческим основам народа, и формально отсылает к демократизации литературного языка. Тем не менее, как и в случае с Белинским, в словаре Пушкина, как отмечал Б. В. Томашевский [Томашевский], еще не было четкого разделения понятий «народность», «нация», «народный», «национальный». Но очевидно, что для поэта-критика значение народности состоит в способности выразить национальный дух русского народа художественными средствами.

С 1840-х гг. началась полемика между западниками и славянофилами, которые не сомневались в необходимости категории «народность» для общественной мысли и литературы. И те и другие отмечали существующую неопределенность в понимании народности и недостаточность ее изучения в теоретическом и практическом отношении. Особенно важным концепт народности представлялся славянофилам, благодаря им он фигурирует в русском культурном дискурсе в понятиях «народного духа», «народной личности», «народной физиономии», «народной стихии». Позиция славянофильства на первый взгляд была близка уваровской формуле в отношении народности, однако разница заключалась в том, что, связывая национальную идею с народом и религией в самом широком сословном отношении, они не питали иллюзий по поводу фактического сословного единства нации. Славянофилы осознавали разрыв между элитой и простым народом, понимая, что элита находится под чрезмерным влиянием европейской культуры, в то время как простой народ является в большей степени хранителем веры и нравственной истины в России. Спасение для России виделось ими в Православии как пути преодоления социальных противоречий. «Каждый народ представляет такое же живое лицо, как и каждый человек, и внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущую в нем истиную, или убивая присущую в нем ложь. Начало это является нам в вере народной», — писал А. С. Хомяков [Хомяков А. С.: 121].

Анализируя пробуждение интереса к проблеме народа у славянофилов и западников, Н. А. Бердяев отмечает у первых — как поло-

жительный момент — их попытку осознать Россию цельной нацией, культура которой поднимается над сословными перегородками, а как недостаток — их чрезмерное увлечение «простонародностью». Сравнивая позиции А. С. Хомякова и А. И. Герцена, Бердяев пишет: «...народничество Хомякова имеет совсем иной источник, чем народничество Герцена и последующих народников. Хомяков был потому народником, что в народе, в крестьянстве наиболее сохранилась христианская вера и национально-русский уклад жизни» [Бердяев: 213]. «Последующие народники», по Бердяеву, нехороши тем, что живая любовь к народу у них была подменена умозрительной идеализацией народа, которому, по сути, они оставались чужды. В отличие от славянофилов, западник А. И. Герцен уповает не на Православие, а на заложенный в народе потенциал движения к свободе, который должен реализовать себя в будущем.

Сын А. С. Хомякова — Дмитрий Алексеевич Хомяков, — продолжив осмысление феномена народности в России, рассматривал ее как «индивидуальность народа, полноту его прирожденных способностей и всего его душевного (духовного) склада» [Хомяков Д. А.: 285]. Несмотря на попытку всестороннего исследования понятия народности, Д. А. Хомяков, как и его предшественники-славянофилы, не дал четкого определения понятия «народность». Он объяснял это тем, что понятие «народность» состоит из неуловимых для формального определения элементов: «Никогда нельзя будет никаким анализом дойти до уяснения всего синтеза народного духа, который, как всякая жизнь, не постигается, а только воспринимается, как факт априорный» [Хомяков Д. А.: 275–276]. «Мы знаем, — писал он, — что есть русское Самодержавие и можем его точно оформить; Православие тоже вполне подлежит “знанию”, но в свою народность мы можем только верить, ибо она есть действительно тайный фактор в жизни, который окрашивает человеческие собирательно-органические единицы некоей не формулируемой окраской, как и всякая окраска, каковую нельзя никак определить иначе, как условным наименованием, соответствующим явлению, но не уясняющим явление» [Хомяков Д. А.: 289]. Говоря о народах как этносах, Хомяков следует высказанным ранее идеям Н. Я. Данилевского, уподоблявшего их органам единого организма. «Без нее (народности — А. С. и Н. Н.) народы не были бы народами, — писал Д. А. Хомяков, — и человечество не со-

стояло бы из тех друг друга восполняющих индивидуальностей, которые лишь в своей совокупности дают возможность всестороннего проявления полноты даров, человечеству данных» [Хомяков Д. А.: 289].

Н. А. Бердяев в указанной статье о А. С. Хомякове вынужден констатировать, и в XX в. понятие народа остается «многосложным и неясным». «Слово *народ*, размышляет философ, — можно употреблять в смысле, тождественном со словом *нация*. Русский народ и есть русская нация. Но народ означает также часть нации; слово *народ* употребляется также в смысле социальном, как простонародье, крестьяне, рабочие, демократические слои общества. Русское народничество всегда употребляло слово *народ* в смысле простонародья, крестьянства, социально угнетенных классов общества. В этом смысле народ есть социальное образование» (Курсив источника. — А. С. и Н. Н.) [Бердяев: 211]. Обращаясь к понятию нации, Бердяев отходит от классического культурно-антропологического понимания ее как объединения этносов в рамках государственного образования, имея в виду, во-первых, не этнический, но социальный аспект (то есть народ в единстве всех сословий), и во-вторых, в поисках специфических духовных основ национальной культуры, как и Д. А. Хомяков, он обращается к метафизическим категориям: «Нация <...> есть реальность порядка мистического, — считает Бердяев. — К нации неприменимы никакие социально-классовые категории. Русский народ как нация, как цельный организм есть реальность умопостигаемая, сверхэмпирическая, мистическая. Ясно, что загадка России и судьба ее в мире может зависеть только от народа как нации, как мистического организма, а не от народа как социальной группы, как крестьянства или другого демократического слоя общества», — заключает Бердяев, противопоставляя свою точку зрения точке зрения «атеистической и материалистической интеллигенции» [Бердяев: 212].

И. В. Киреевский также различал в понятии «народность» как простонародность, так и, вслед за Вяземским, Пушкиным и Белинским, — «идею народной особенности, которая выражается в нашей истории» [Киреевский: 371], но в целом делал вывод о том, что «народность в ее общем начале до сих пор еще нами не признана и не выражена. Оттого понятия наши смешаны, требования необязательны

и сочувствия неплодоносны» [Киреевский: 372]. В понимании русской народности для Киреевского важно, что она связана с миссией сохранения чистоты христианской веры, оплотом которой является Россия.

Скептически рассуждает о состоянии дел с народностью как литературной категорией Н. А. Добролюбов, считающий, что литература, недоступная народу из-за его неграмотности, по определению не может считаться народной. «Пока образованных людей немного, литература необходимо служит интересам немногих», — замечает критик [Добролюбов: 243]. Что касается отмеченной Белинским народности в творчестве Пушкина, то Добролюбов относит ее к «народности формы», полноценная же народность, по его мнению, явится тогда, когда литература, полноценно отражая народную жизнь, будет еще служить выражению народных стремлений [Добролюбов: 260].

На недоступность для простого народа даже той части русской литературы, которая могла бы быть ему понятной и близкой (например, «Записки охотника» И. С. Тургенева) сетовал и А. Н. Пыпин [Степанова].

Отдельно следует остановиться на периоде русской литературы второй половины XIX в., одна из культурных парадигм которого получила известность как «народничество». Понятие «народной литературы» в это время общеизвестно в литературной критике, но смысл его может вызвать вопросы. Ведущий критик народничества Н. К. Михайловский в конце 1870-х гг. писал: «Наша народная литература (то есть литература, трактующая о народе; литературы для народа у нас никогда не существовало и не существует до сих пор) расширяется все более и более. К сожалению, это расширение гораздо более количественное, нежели качественное. <...> Со времен “Записок охотника” общая тенденция всех наших сколько-нибудь замечательных писателей о народе состояла в нравственной реабилитации его в глазах образованного общества, в стремлении доказать, что мужик — не только человек, которому ничто человеческое не чуждо, но что в нравственном отношении он и чище, и крепче, и надежнее людей привилегированных классов» [Михайловский: 165]. Михайловский, таким образом, относит к категории народной литературы вышедшие из-под пера литераторов-дворян и литераторов-разно-

чинцев образы жизни трудовых сословий, причем они оказываются или идеализированы, или, как в случае с Н. Н. Златовратским, «отфильтрованы» автором для сокрытия негативных сторон жизни простого народа.

К началу XX в. отношение интеллигенции и народа по-прежнему оставалось камнем преткновения в дискуссиях литераторов. Участвуя в одной из таких дискуссий в 1908 г., Александр Блок констатировал постоянный интерес к народу у творческой интеллигенции, собрание фольклора, хождение в народ, с готовностью подчас идти на казнь за «народное дело», но при этом он считал, что интеллигенция так ничего в народе и не поняла и «душу народную» не прочувствовала вполне [Блок: 161].

Подводя итоги, отметим, что хотя концепт народности постепенно входил в культурный дискурс примерно с начала XIX в., об устойчивости семантики выражающего его термина не приходится говорить до сих пор. Семантическая динамика естественным образом связана с социокультурной динамикой — диахронический анализ концепта и его проявление как эстетической категории отражает изменения в культурной и общественно-политической ситуации. В советский период, оставшийся за пределами настоящей статьи, категория народности была включена в триаду классовость-партийность-народность, особенность ее связывалась, с одной стороны, с общей доступностью литературы широким народным массам, а с другой — с необходимостью служения народу путем воспитания правильного марксистско-ленинского мировоззрения. В современной критике предметом разногласий стал вопрос об универсальности или, напротив, локально-исторической ограниченности данной категории, в последнем случае она рассматривается как явление истории литературы, потерявшее свою актуальность для современности. К данной теме непосредственно обращается Т. В. Кузнецова в статье «Народность в постсоветской культуре» (2014 г.), отмечая, что и сегодня «проблема реального смысла идеи народности неизбежно встанет и отчасти уже стоит и перед теорией, и перед практикой» [Кузнецова: 72], однако исследовательница фактически размышляет лишь о сохранении и использовании в образовательном и воспитательном процессе народной художественной культуры (фольклора), вопрос об авторской литературе в статье не ставится.

Анализируя современную русскую прозу, А. К. Котлов выделяет две парадигмы: восходящую к старой русской традиции «традиционалистскую» и «я-повествование» [Котлов: 172]. Во втором случае, по мнению исследователя, автор художественного произведения, будучи заиклен на себе, лишается сопричастности своему народу, отсюда делается вывод о значимости категории народности в современной русской литературе только там, где речь идет о «традиционалистах» (приводится пример прозы Б. Евсеева, А. Варламова, З. Прилепина).

Среди высказанных в последние годы мнений об актуальности эстетической категории «народность» обращает на себя внимание точка зрения В. Е. Хализева, который находит причину определенной непопулярности ее в постсоветское время в том, что использование самого концепта народность в различных идеологических системах прошлого как бы скомпрометировало его в глазах настоящего. Ученый делает попытку найти универсальное понимание народности применительно к литературному процессу как «вовлеченности... в жизнь больших социумов, и прежде всего, народов к которым они (писатели) принадлежат, т. е. “выходы” литературы за рамки собственно художественной среды» [Хализев]. Такая вовлеченность, иначе «причастность», составляет, по Хализеву, большое достоинство литературы. Таким образом, допускается даже возможность писателя выходить за рамки собственной этнонациональной культуры, хотя все-таки оговаривается приоритетная необходимость быть погруженным в свою культуру. Отсюда делается вывод о необходимости «говорить не о народности литературы как таковой (императивно-догматическая формула советских времен, упрочившаяся в 1930-е гг.), а о народности в литературе» [Хализев]. Указанная статья внесла вклад в дискуссию о непреходящей актуальности народности как эстетической категории, однако сами приведенные исследователем ключевые понятия *вовлеченности* и *сопричастности* неизбежно становятся предметом дальнейшего осмысления. Здесь, видимо, предполагается и глубокое знание этнонациональной культуры и ее истории; и погруженность в актуальные для нее на данном историческом этапе вопросы и задачи; и умение должным образом художественно отразить основные черты той или иной культуры.

На наш взгляд, можно констатировать, что наиболее весомый вклад в непрекращающийся процесс научного осмысления катего-

рии народности внесли те, кто стоял у истоков этого процесса еще в первой половине XIX в. Вполне адекватным и актуальным видится представление о народности как реальной, но трудно определяемой «субстанциональной стихии», значение которой восходит к представлению о «душе народа». В этом отношении попытки определить народность как отражение в литературе некоей специфики этнонационального характера (в примордиальном понимании), как это пытались сделать Вяземский и Белинский (у последнего — «манера понимать вещи»), оказались плодотворными и позволили нащупать некое смысловое ядро, без которой слово народность применительно к литературе вообще теряло бы смысл в русскоязычном дискурсе. Так или иначе, дальнейшие рассуждения о категории народности видятся нам возможными с опорой на предложенный еще Белинским поиск этнонациональной специфики на пути анализа мировоззренческих основ народного характера. Белинский, связывая народность с «манерой понимать вещи» [Белинский 3: 507], указывает на особенности *мировоззрения* народа, за которым стоят убеждения и верования наиболее фундаментального характера, которые не могут быть охарактеризованы применительно к России вне православной веры, на чем и настаивали славянофилы А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. Их работы предшествовали рождению «культурно-исторической школы» в Европе, начало которой, как считается, положил Ипполит Тэн в лекциях о философии искусства в 1860–1870-х гг., сформулировав роль триады «раса-момент-среда» как определяющего фактора в рождении художественного произведения.

Список литературы

Источники

Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. М.: ОГИЗ-ГИХЛ, 1948.

Блок А. А. Народ и интеллигенция // *Блок А. А.* О литературе. М.: Худож. лит., 1980. С. 157–166.

Вяземский П. А. Письмо П. А. Вяземского — А. И. Тургеневу. 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819 / изд. гр. С. Д. Шереметева; под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1819_ostafievsky1_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.12.2023).

Вяземский П. А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»> // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 1996. С. 152–156.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык Медиа, 2005. Т. 2. 780 с.

Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы // *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 2. С. 218–272.

Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 248–373.

Михайловский Н. К. О народной литературе и Н. Н. Златовратском // *Михайловский Н. К.* Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 165–170.

Пушкин А. С. О народности // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 270–271.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1847. Т. 2. 473 с.

Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к стихосложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний // *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 365–420.

Хомяков А. С. Алексей Степанович Хомяков: Его жизнь и соч. М.: В Университетской тип., 1897. 176 с.

Хомяков Д. А. Народность // *Хомяков Д. С.* Православие. Самодержавие. Народность / сост., вступ. ст., примеч. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 215–295.

Исследования

Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1912. 282 с.

Богданов А. К. В поисках народности: свое как чужое // *Богданов А. К.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: НЛЮ, 2006. С. 105–145.

Виротайнен М. Н. Народность литературы Золотого века: достижение романтизма или наследие классицизма? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 3 С. 470–485.

Котлов А. К. Современная русская проза и категория народности в литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 3. С. 168–171.

Кузнецова Т. В. Народность в постсоветской России // Язык и культура. 2014. № 11. С. 67–72.

Степанова Е. В. «Письма о русской литературе» А. Н. Пыпина: к вопросу изучения биографии и наследия ученого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 2317–2321.

Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 кн. / отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л.: АН СССР, 1956–1961. Кн. 2. 1961. 575 с.

Хализев В. Е. О народности в литературе // Москва: Портал «О литературе». URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archive=1206184486> (дата обращения: 30.10.2023).

References

Berdiaev, N. A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov* [*Alexey Stepanovich Khomyakov*]. Moscow, A. I. Mamontov Printing Company Publ., 1912. 282 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. K. “V poiskakh narodnosti: svoe kak chuzhoe” [“Search for Ethnic Peculiarity: Native and Alien”]. Bogdanov, A. K. *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniia i ekzotizmov* [*About Crocodiles in Russia. Essays on the History of Borrowings and Exoticisms*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, pp. 105–145. (In Russ.)

Virolainen, M. N. “Narodnost’ literatury Zolotogo veka: dostizhenie romantizma ili nasledie klassitsizma?” [“Ethnic Specifics of the Golden Age Literature: Romantic or Classicist Heritage?”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, vol. 19, issue 3, 2022, pp. 470–485. (In Russ.)

Kotlov, A. K. “Sovremennaia russkaia proza i kategoriia narodnosti v literature” [“The Present-Day Russian Prose and the Problem of National Specifics”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, 2011, pp. 168–171. (In Russ.)

Kuznetsova, T. V. “Narodnost’ v postsovetskoi Rossii” [“Problem of National Specifics in the Post-Soviet Art”]. *Iazyk i kul’tura*, no. 11, 2014, pp. 67–72. (In Russ.)

Stepanova, E. V. “‘Pis’mo o russkoi literature’ A. N. Pypina: k voprosu izucheniia biografii i naslediiia uchenogo” [“‘Letters About Russian Literature’ by A. N. Pypin: On the Issue of Studying the Biography and Heritage of the Scientist”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 14, issue 8, 2021, pp. 2317–2321. (In Russ.)

Tomashevskii, B. V. *Pushkin: v 2 kn.* [*Pushkin: in 2 books*], book 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union, 1961. 575 p. (In Russ.)

Khalizev, V. E. “O narodnosti v literature” [“About Nationality in Literature”]. *Moskva: Portal “O literature”* [*Moscow: Portal “About Literature”*]. Available at: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739&archi ve=1206184486> (Accessed 30 October 2023). (In Russ.)